

от неолита до эпохи феодализма. Библейские тексты оживают, благодаря иллюстрации данными археологии. Петроглифы и менгиры чередуются с крепостями и замками. Безлюдное пространство озаряется отблеском интенсивной деятельности в эпоху библейских царств. Приоткрываются тонкие детали неуспяного земледельческого труда и быта. Совершенно исключительна картина металлообработки в Эцион-Гебер и вادي Араба: такого центра и таких подробностей металлургического процесса, какие были прослежены между Мертвым морем и Акабой, мы не знали на всем протяжении культуры, восходящей ко II—I тысячелетия до н. э., несмотря на то, что отдельные районы, например Луристан в западном Ираке, дали огромное количество находок.

Книга снабжена очень интересными иллюстрациями, и далеко не последнее место в ней принадлежит керамике, которая служит надежным путеводителем даже там, где нет ни надписей, ни руин. Будем надеяться, что материалы заиорданских экспедиций вскоре будут опубликованы полностью и систематизированы, чтобы все заинтересованные специалисты могли извлечь из них максимальную пользу.

В. А. Крачковская

CHILVER' G. Cisalpine Gaul. Social and economic history from 49 b. C. to the death of Traian. Oxford, 1941, VI+232 p.

В своей книге Чильвер ставит себе целью дать полную картину развития Северной Италии в течение I в. н.э. и выяснить причины ее упадка, начавшегося к концу этого периода.

Основными его источниками являются Страбон, оба Плиния и надписи. Выбор темы автор обосновывает своеобразием Цизальпинской Галлии, которая, по его словам, отставала в своем развитии на полвека от остальной Италии, приближаясь по характеру к Нарбонской Галлии и Бетике. Изучение Цизальпинской Галлии, говорит Чильвер, может пролить новый свет на пути и результаты романизации провинций империи.

Остановившись на городах и средствах сообщения рассматриваемого района Чильвер переходит к тщательному анализу всех категорий населения: туземных племен—кельтов, венетов и ретов; ветеранов и солдат, поселенных в Северной Италии или происходивших оттуда; горожан и землевладельцев. Он прослеживает карьеру членов нескольких значительных североиталийских семей, дает список крупных чиновников, сенаторов, консулов—уроженцев Цизальпинской Галлии. Далее он рассматривает данные о сельском хозяйстве, промышленности и торговле и заключает свое исследование главой о религии и культуре Цизальпинской Галлии, главным представителем которой он считает Вергилия.

Заключение о положении местных племен Чильвер делает, главным образом, на основании данных ономастики. Он приходит к выводу, что значительная часть этих племен жила на городских территориях и имела право латинского гражданства, те же, которые не были атрибуированы городам, оставались peregrini. Постепенно и те и другие становились римскими гражданами (главным образом в связи со службой в армии), оставаясь, однако, в низших классах, доказательство чему он видит в том, что многие из новых граждан становились севирами, как и толькоотпущенники. Совершенно справедливо замечание автора, что вопрос о туземном населении представляет особый интерес, «отчасти поскольку слишком часто игнорируется наличие в самой Италии не-граждан, а отчасти, поскольку их положение и отношение к ним Рима типично для всего процесса романизации... интересно наблюдать конец этого процесса в Цизальпинской Галлии, возможности, предоставлявшиеся Римом здесь, как и в провинциях, туземному населению, и реакцию последнего в виде ассимиляции» (стр. 80).

Нельзя, однако, согласиться с тем, что процесс романизации здесь вполне закончился к концу I в., как утверждает Чильвер. В известной надписи из Тергесты (CIL

V, 532) мы читаем, что Антонин Пий разрешил городу выбирать магистратов и приобретать, таким образом к римскому гражданству наиболее богатых из карнов и каталов—кельтских племен, атрибуированных городу Августом. Следовательно, еще в середине II в. часть жителей не являлась римскими гражданами. Возможно, что такое положение имело место и позже. Так, один диплом Филиппа Араба от 247 г. выдан солдату флота *patione italo*; другой диплом, Деция, от 249 г. выдан солдату из города Атесты. В одной надписи, видимо III в., группа солдат легиона VI *Victrix* называет себя *cives italici* (СИЭ, VII, 1905); возможно, что они также не были римскими гражданами. Во всяком случае, очень ценно, что автор привлек внимание к этому вопросу и дал ему возможно полное освещение хотя бы для I в. н. э.

В связи с вопросом о гражданстве он рассматривает и данные о солдатах из Северной Италии, которые в I в. служили, в основном, в рейнских и дунайских легионах. Подробно анализируя эпиграфические свидетельства, Чильвер опровергает утверждения Ростовцева как о том, что армия состояла исключительно из деклассированных пролетариев, так и о том, что после устранения из армии прочих италийцев недоверьявшим им Веспасианом уроженцы Северной Италии продолжали играть в ней значительную роль. По наблюдениям Чильвера, состав армии был самый разнообразный, в число солдат входили и магистраты, и члены их семей, и перегрины. После 70 г. легионеров, происходящих из Цизальпинской Галлии, становится мало, зато почти все преторианцы в конце I и во II в. набираются из этого района. Эту перемену он связывает с развитием Северной Италии, поскольку, по его мнению, чем более цивилизовалось и романизовалось население, тем менее пригодным оно становилось к военной службе (стр. 123 сл.).

С выводом о разнообразном социальном составе армии вполне можно согласиться. Второй же вывод автор должен был бы попытаться связать со своими наблюдениями над изменениями, происшедшими в экономике Цизальпинской Галлии за рассматриваемый период. По его словам, первая половина I в. характеризовалась здесь большими предприятиями, вторая половина—крупными состояниями (стр. 182).

Чильвер подробно анализирует данные источников о сельском хозяйстве и «промышленности» Цизальпинской Галлии. Он считает, что наибольшую роль играл экспорт вина и масла в придунайские области, тогда как зерна с трудом хватало на нужды местного населения. В промышленности, за исключением шерстяной, экспорт не был особенно развит, зато металлургия (особенно добыча и обработка железа), керамическое и стекольное производства в первую половину I в. получили значительное развитие.

С 60 гг. «промышленность» и торговля приходят в упадок, остаются только мелкие мастерские, принадлежавшие, главным образом, вольноотпущенникам, да и те постепенно исчезают. Кризис наступает и в сельском хозяйстве, где мелкое и среднее землевладение сменяется латифундиями, обрабатываемыми арендаторами вместо рабов. Эти арендаторы должны были разоряться, и земля часто оставалась необработанной (стр. 151). По мнению Чильвера, концентрация земли вызывалась частично неумением поселенных там Августом колонистов-ветеранов вести хозяйство, частично же тем, что лица, нажившие большие состояния в торговле и промышленности в период их процветания, вкладывали деньги в покупку земли. Став крупными землевладельцами, они стремились занять высокие должности в Риме (именно ко второй половине I в. относятся многочисленные сенаторы и консулы из Северной Италии), забрасывают хозяйство, теряют связь с родными городами, где на муниципальные должности начинают выбирать лиц среднего достатка. Это приводило к разорению городов и назначению *curatores rerum publicarum*. По мнению Чильвера, на экономический упадок повлияло и перепроизводство в сельском хозяйстве, в частности в виноделии. Однако на основании данных известной велейской таблицы, он заключает, что кризис этот и упадок не были безвыходными. С помощью центрального правительства кризис был если не окончательно изжит, то значительно ослаблен.

Автор, таким образом, объясняет случайными моментами наступление экономического кризиса и его ликвидацию. Он не учитывает, что за субъективными целями и намерениями отдельных лиц скрываются независимые от их воли объективные причины;

основная причина кризиса и упадка—рабовладельческий строй общества и связанный с ним натуральный характер хозяйства, не позволяющие «промышленности» развиваться дальше ограниченного предела. Если применить к античному обществу капиталистические категории «промышленность», «перепроизводство», то это лишь затемняет действительную картину упадка и его причин. Упадок продолжался и впоследствии. Об обеднении городов свидетельствует и вышеупомянутая надпись из Тергесты, поскольку жители этого города должны были привлекать к несению муниципальных должностей богатых карнов и каталов, и надпись из Аквилей в честь Миниция Итала (СИЛ, V, 875), добившегося у Траяна разрешения привлекать к несению повинностей incolae города.

Что рост земельной концентрации, падение промышленности и торговли и разорение городов—явления не случайные для городов Цизальпинской Галлии, видно из того, что они затем постепенно наблюдаются и в других частях империи. Особенно ясно весь этот комплекс симптомов кризиса можно проследить с конца II в. в галльских провинциях. Интересно, что работа Чильвера позволяет лишний раз проследить взаимозависимость этих симптомов, притом для такого раннего периода. Возможно, что все эти факторы обусловили и падение роли Цизальпинской Галлии в комплектовании легионов, поскольку соответственное положение в провинциях сопровождалось обычно нехваткой людей. Те из уроженцев Северной Италии, которые вербовались в армию, шли на пополнение преторианских когорт, поскольку в этот период для службы в гвардии предпочитали брать более романизированные элементы.

В вопросе о культах Цизальпинской Галлии ничего особенно нового Чильвер не дает. Интересна его попытка определить социальный состав почитателей восточных богов—Изиды, Сераписа, Митры. Он приходит к выводу, что это были, в основном, вольноотпущенники греческого и восточного происхождения, хотя начинавший проникать в Аквилею культ Митры имел и приверженцев из высших классов, судя по найденному там богатому митреуму (стр. 195). Из кельтских богов почитался лишь Белленус, культ которого процветал в Аквилее во все время империи.

В быстрой романизации религии Чильвер видит одно из доказательств слабо выраженной индивидуальности местного населения. К этому же заключению его приводит анализ памятников искусства и, главным образом, творчества Вергилия.

Безинициативность населения, пишет он, привела к тому, что оно не могло само, без помощи центрального правительства ликвидировать начавшийся экономический кризис (стр. 230).

В этом утверждении опять-таки отражается его взгляд на этот кризис как на нечто случайное, а не как на одно из проявлений общего хода экономического и социального развития империи.

Такой поверхностный подход к «социальной и экономической истории» типичен не для одного только Чильвера. Это—порок буржуазной историографии, оперирующей обычно «вечными» социально-экономическими категориями и совершенно не интересующейся производственными отношениями. И Чильвер сообщает подробные данные об отдельных социальных группах, но не делает даже попытки охарактеризовать их взаимоотношения.

Е. М. Штаерман

Заметки о книгах

STEINDORFF and K. C. SEELE «When Egypt ruled the East».
The University of Chicago Press, Chicago, Illinois, 1942, 284 стр., 109 илл.

Новая работа Штейндорф и Зееле представляет собою прекрасно изданную и обильно иллюстрированную книгу. Авторы в предисловии указывают, что «История древнего Египта» Дж. Г. Брестеда в настоящее время уже давно нуждается в попол-